

II.

МАТЕРИАЛЫ СЪВЕРНОЙ ИСТОРИИ.

О СТРЬИКОВСКОМЪ И ЕГО ХРОНИКЪ.

(Изъ книги: *Wilno do początków jego do roku 1750*; соч. *Крашевскаго* *).

СТАТЬЯ I.

Въ польской литературѣ XVI вѣка нѣтъ сочиненія страннѣе Хроники Матвѣя Стрыйковскаго, точно такъ, какъ и въ числѣ тогдашнихъ писателей, конечно, не было лица ориги-

---

* Относительно взгляда на исторію Великаго Княжества Литовскаго, польская система весьма долго преобладала въ нашей литературѣ: Исходнымъ пунктомъ ложныхъ понятій была хроника Литвы, составленная въ XVI столѣтіи Полякомъ, членомъ духовенства В. К. Литовскаго, Матвѣемъ Стрыйковскимъ. Какимъ-то враждебнымъ для

нальѣе самого Стрыйковскаго. Эта хроника вышла съ громкимъ предувѣдомленіемъ, что она содержитъ исторію литовскаго народа, до того времени вовсе неизвѣстную міру. Заглавіе

насъ случаемъ всѣ первоначальныя лѣтописи, послужившія основою труду Стрыйковскаго погибли или до сего времени считаются погибшими; такъ что волею-неволею эта компиляція XVI вѣка представляетъ единственный источникъ для исторіи помянутаго Великаго Княжества.

Н. М. Карамзинъ, съ должнымъ презрѣніемъ отзываясь о хроникѣ Стрыйковскаго, считая его не историкомъ, а баснописцемъ. Однакожъ, при совершенномъ отсутствіи другихъ матеріаловъ, нашъ историографъ былъ въ необходимости неоднократно включать въ текстъ своей исторіи, факты, приводимые Стрыйковскимъ; а какъ притомъ не могъ критически разобратъ неискускаго и недобросовѣстнаго Поляка, то ограничивался единственно оговорками: *по свидѣтельству Стрыйковскаго, — какъ говоритъ Стрыйковскій, — какъ пишетъ Стрыйковскій* и т. д. Такимъ образомъ значительная часть натяжекъ, выдумокъ и безсмыслицы польскаго автора неосторожно пересажены были въ Исторію Государства Россійскаго, такъ что изображеніе тамъ судьбы западной Россіи совершенно было обезображено по польской мѣркѣ. Писавшіе исторію нашего отечества послѣ Карамзина еще менѣе его занимались историческою критикою и, оспорявая Карамзина въ разныхъ мелочахъ касательно судьбы и значенія Великаго Княжества Литовскаго, въ основаніяхъ усвоили его взглядъ. *Польская система доцарилась.* Факты, которые Карамзинъ помѣстилъ съ оговоркою: *какъ пишетъ Стрыйковскій*, въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ явились уже какъ чистѣйшая истина. Неговора объ исторіяхъ собственно, какая огромная масса журнальныхъ статей, путешествій, романовъ, повѣстей способствовала къ распространенію и укорененію въ русской публикѣ польскихъ идей о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ! Стоитъ развернуть Энциклопедическій Лексиконъ, чтобъ убѣдиться, что въ этомъ хранилищѣ фактовъ о западномъ краѣ нашего отечества повторены голословно всѣ выдумки польскихъ ксендзовъ. Н. Г. Устряловъ первый возвысилъ голосъ за истину и, смѣло взявъ за руку, перевелъ русскаго читателя на надлежащую точку зрѣнія, съ которой перелъ глазами любопытнаго наблюдателя стройно развертывались жизнь и судьба Литовскаго Княжества. Но слишкомъ тѣсны рамки его «Русской исторіи» не дали ему возможности подробно, фактъ за фактомъ, изложить всю исторію западной Россіи, отъ образованія въ ней такъ называвшагося Литовскаго Великаго Княжества до соединенія ея съ восточною Россією въ царствованіе Государыни Императрицы Екатерины II.

По этимъ причинамъ разборъ, даже поверхностный, хроники Стрыйковскаго не можетъ не имѣть, хотя въ нѣкоторой степени, занимательности. Предлагаемая статья имѣетъ еще то значеніе, что есть произведеніе Поляка, одного изъ извѣстнѣйшихъ литераторовъ нашего времени. Съ удовольствіемъ видимъ мы изъ нея, что основныя начала польской системы опровергаются уже самыми вѣдомыми людьми Поляками. Иезуитскій туманъ разсѣивается, и святая истина начинаеть и у нихъ входить въ свои права.... *Прим. перевод.*

ся, кажется, вполне выражаетъ характеръ автора и его книгъ. Вотъ оно, отъ слова до слова:

«Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси, кievской, московской, сѣверской, вольнской, подольской, подгорской, «подляеской и пр. и различныя военныя и внутреннія происшествія прусскіихъ, мазовецкіихъ, поморскіихъ и другихъ Королевству а Польскому и Великому Княжеству Литовскому сопредѣльныхъ земель, сходно съ дѣйствительнымъ и основательнымъ сличеніемъ несомнѣнныхъ доказательствъ изъ различныхъ историковъ и авторовъ иностранныхъ и отечественныхъ, кievскихъ, московскихъ, славянскихъ, лифляндскихъ, прусскихъ, старинныхъ и до сихъ поръ темно-насмурною ночью закрытыхъ хроникъ и летописцевъ русскіихъ, литовскихъ и Длугоша, отца польской исторіи, и съ другими — съ великимъ усердіемъ и тяжелымъ трудомъ (особенно касательно событій литовскихъ и русскіихъ до селъ вѣкъ не тронутыхъ) Матвѣемъ Осостовіусомъ Стрыйковскимъ удовлетворительно написанная, составленная и впервые на свѣтъ, съ изслѣдованіемъ истинно доказанной древности, собственнымъ изображеніемъ, значительнымъ остроуміемъ и поддержками, изданная, — чрезъ вѣтъ древнія времена до текущаго 1582 года; а прежде всего полные выводы о вѣствъ, какіе только есть на свѣтъ, народахъ» *.

Это, столь много обѣщающее, сочиненіе было посвящено Богу знаетъ сколькимъ покровителямъ. Кромѣ общаго посвященія королю Стефану Батори, Георгію Радзивиллу епископу виленскому, князьямъ Георгію, Симеону и Александру Слуц-

---

* Заглавіе въ подлинникѣ: Kronika polska, litewska, zmodska, i wszystkiej Rusi Kijowskiej, Siewierskiej, Wolhińskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej etc. i rozmaite przypadki wojenne i domowe Pruskich, Mazowieckich, Pomorskich i innych krain Królewstwu Polskiemu i W. X. Litewskiemu przyległych, według istotnego i gruntownego zniesienia pewnych dowodów z rozmaitych historyków i autorów postronnych i domowych, i Kijowskich, Moskiewskich Słowiańskich, Liflańskich, Pruskich, starych, do tad ciemno-чmurna nocą zakrytych kronik i latopiszców Ruskich, Litewskich i Długosza, ojca dziejow polkich i z inszemi, z wielką pilnością i węzłowatą pracą (osobliwie około dziejow Litewskich i Ruskich od zadnego przedtym niekuszonych), przez Maceija Osostowijusza Strijkowskiego dostatecznie napisana, złożona i na pierwsze susiatło z wybadaniem prawdziwie dowodnej starorynności własnym wynalezieniem (?), przewaznym dochcipem i nakładem nowo wydźwigniona. przez wszystkie starozytne wieki az do dzisiejszego roku 1582: a naperzad wszystkich. ile ieh kolwick jest, ludzkich na swiecie narodów, gruntowne wywody.

кимъ и всему вообще сенаторскому, рыцарскому и шляхетскому сословіямъ Короны и Литвы, каждая книга, и нерѣдко раздѣлы одной и той же книги, посвящены различнымъ особамъ. Мы сначала полагали, что сочинитель при этомъ выборѣ руководствовался историческою связью, которая могла бы существовать между описываемымъ и тѣмъ лицомъ, кому сдѣлано посвященіе; но этого нельзя открыть: ясно только, что Стрыйковскій посвящалъ одной и той же особѣ, то одну, то другую книгу своей хроники, вѣроятно, по недостатку покровителей.

Авторъ этой хроники былъ вмѣстѣ шляхтичъ, солдатъ, неутомимый путешественникъ, историкъ, поэтъ, живописецъ, панегиристъ, наконецъ ксендзъ; родился близъ Ленчицы (Мазовецкой губерніи), но по своимъ исключительнымъ занятіямъ сдѣлался, можно сказать, Литвиномъ. Отъ шестнадцатилѣтнаго возраста, онъ провелъ жизнь въ безпрерывныхъ путешествіяхъ, изысканіяхъ, трудахъ, собирая книги, рисуя планы, карты и украшенія для манускриптовъ, и въ тоже время сражался съ врагами и пѣлъ въ костелѣ на хорахъ. Заслуги свои онъ передалъ потомству въ огромномъ сочиненіи, которое нынѣ почти невозможно прочитать, не только употребить съ пользою.

Жизнь Стрыйковского представляетъ такую же безпорядочную смѣсь, какъ и его хроника. За все онъ берется, не повѣривъ себя: достанетъ ли у него силъ, понимаетъ-ли въ чемъ дѣло; очертя голову устремляется онъ въ опасность, съ дерзостію хватается не за свое — и изъ всего выходитъ цѣль и невредимъ, воспѣвая свой триумфъ, свою славу. Въ сочиненіяхъ тысячу разъ выводитъ на сцену самого себя, свои труды, заслуги и цѣлюю свою жизнь. Послушайте только его, до какой степени онъ великъ, сколько видѣлъ, сколько сдѣлалъ, какія оказывалъ заслуги! Сто разъ повторяется у него, что онъ первый написалъ критическую исторію Литвы, извлекъ дѣла ея изъ пыли и очистилъ; сто разъ повторяетъ онъ одно и тоже, воображая, что никогда и ничего нельзя будетъ поправить въ его исторіи. *Хоть бы ты тысячу хроникъ смичалъ, ничего поваго те найдешъ* — это обыкновенное доказательство, которымъ онъ окончательно полагаетъ замкнуть уста критикѣ и недовѣрію; а между тѣмъ, не тысячи, а одной хорошо понятой лѣтописи достаточно, чтобъ изблечить Стрыйковского въ безконечномъ числѣ ошибокъ. Какъ высоко цѣнить онъ свои труды и результатъ ихъ — свою пресловутую хронику! Нерожденный для занятій подобнаго рода, онъ самъ дивился окончанію своего труда, а потому и тщесла-

вится этимъ безъ всякаго милосердія. Почти на каждой страницѣ своей хроники онъ является лично предъ читателемъ и въ сотый разъ повторяетъ о себѣ то, что уже говорилъ въ посвященіяхъ королю, князьямъ Слуцкимъ, сенаторамъ, рыцарству, епископу жмудскому и т. д. Въ-особенности онъ страшится, чтобъ его не сочли обыкновеннымъ писателемъ, простымъ компиляторомъ; для этого призываетъ въ свидѣтели Господа Бога, что онъ Стрыйковскій первый объяснилъ исторію Литвы, и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ обращается къ тѣмъ, которые бы не стали вѣрить ему безусловно. Онъ немилосердно критикуетъ своихъ предшественниковъ, ругаетъ ихъ наповаль — однимъ словомъ, невольно думаешь, что онъ произвелъ гениальное твореніе.

Жизнь и сочиненія этого человѣка находятся между собою въ совершенномъ согласіи: одно другимъ объясняется, дополняется и служитъ къ познанію характера обоихъ. Какъ жилъ, такъ писалъ, и обратно. Всѣ его страсти, вся жизнь ясно изображается въ хроникѣ, въ сочиненіи, которое, кажется, мѣтѣ всякаго другаго можетъ представить поле для авторскаго самохвальства. Читая его хронику, невольно представляемъ себѣ старика, сидящаго, со стаканомъ пива, у камина, и разглагольствующаго о давнихъ историческихъ дѣлахъ. Видно, что старичокъ много прочиталъ лѣтописей и легендъ, но плохо ихъ повялъ...

Краткое обозрѣніе жизни Стрыйковскаго можетъ служить къ лучшему уразумѣнію его хроники. Этотъ будущій историкъ Литвы родился довольно далеко отъ нея, въ мѣстечкѣ Стрыйковѣ, близъ города Ленчицы, въ имѣніи своихъ предковъ Осостовъ герба Делива. Онъ самъ, описывая стихами свою жизнь, увѣдомляетъ читателя, что дѣтство его ознаменовано было необыкновенными происшествіями, предсказывавшими славную будущность и великія опасности, которыя онъ побѣдилъ погеркулесовски. Онъ описываетъ свое дѣтство, по образцу Плутарха, рассказывающаго жизнь великаго человѣка. Будучи пяти лѣтъ, онъ утонулъ въ прудѣ, былъ вытасченъ безъ всякаго признака жизни, и наконецъ, оплаканный своими родителями, былъ во гробѣ выставленъ въ костель. Тамъ колокольный звонъ, сзывавшій народъ на погребеніе, пробудилъ его отъ летаргическаго сна, и такъ воскресъ изъ мертвыхъ будущій исторіографъ Литвы, только пѣлюю недѣлю послѣ того не могъ онъ говорить. На седьмомъ году отдали его въ школу въ м. Бржезинъ. Какъ расхваливаетъ эту школу Стрыйковскій: право, она лучше Падуи и Парижа, — шумнымъ ручьемъ льются похвалы ные стиха въ честь знаменитыхъ Бржезинъ. Но вновь не-

счастье. Колоколъ воскресилъ его отъ смерти и колоколъ же едва не отправилъ его на тотъ свѣтъ. Сорвавшись съ перекалдины, колоколъ упалъ на голову молодому Стрыіковскому, и хотя тотъ и вылезъ, но на всю жизнь остался заикой,—какъ Моисей, добавляетъ скромный историкъ Литвы, весьма кстати равняющій себя со всѣми великими людьми.

Шестнадцати лѣтъ Стрыіковскій окончилъ курсъ наукъ. Какъ только онъ вступилъ въ свѣтъ, то взялъ странничскій посохъ и не покидалъ его уже до самаго гроба. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы, Стрыіковскій остановился на отдыхъ, вмѣсто латъ надѣлъ монашескую рясу и мечъ промѣнялъ на перо. Сначала пробѣгаетъ онъ Литву * и Пруссію, съ удивленіемъ присматривается къ древнимъ городищамъ и развалинамъ старинныхъ замковъ, вступаетъ въ военную службу, а между тѣмъ пишетъ уже идилліи, элегіи, разсужденіе о Чехѣ и Лехѣ и т. д. Жизнь его протекаетъ среди военныхъ и литературныхъ занятій. Находясь нѣсколько лѣтъ на квартирахъ въ Витебскѣ, онъ успѣваетъ собрать много старинныхъ историческихъ матеріаловъ. Но тутъ съ нимъ случается приключеніе. Итальянецъ Гваньни, ротмистръ польской службы, видѣлъ у Стрыіковскаго рукопись: «Описаніе европейской Сарматіи»—такъ хотѣлъ назвать Стрыіковскій первое свое сочиненіе—и въ отсутствіе автора выкралъ значительную часть матеріаловъ, послужившихъ къ составленію помянутаго сочиненія, составилъ изъ нихъ новую книгу и напечаталъ ее подъ своимъ именемъ. Стрыіковскій страшно завопилъ объ взмѣнѣ, о грабежѣ, ужасно поносилъ итальянца стихами и прозою, попольски и полатыни изобличалъ его въ литературной кражѣ, ссылаясь на Паца и другихъ, которые видѣли его уже со всѣмъ готовую рукопись въ Витебскѣ. Впрочемъ, кажется, Гваньни виноватъ единственно въ неопозволительномъ овладѣніи матеріалами, которые затѣмъ онъ обработалъ по своему и лучшимъ латинскимъ языкомъ, нежели Стрыіковскій.

Пораженный несчастнымъ случаемъ, послѣдовавшимъ съ его рукописью, Стрыіковскій бросилъ начатый-было переводъ Длугоша на польскій языкъ, и принялся чертить карты и планы. Безъ сомнѣнія, Длугошъ подалъ ему первую мысль о хроникѣ и много помогалъ ему впоследствии.

---

* Здѣсь авторъ употребляетъ это слово въ значеніи, которое оно имѣетъ по польской системѣ; собственно слѣдовало бы сказать: «Бѣлую Русь.» *Прим. перев.*

Въ 1574 году, послѣ побѣга короля Генриха Валуа, Стрыйковскій отправился путешествовать въ свитѣ Андрея Тарановскаго Бѣлныи, столь часто исполнявшаго обязанность посла Республки Польской при Турецкомъ Дворѣ. Благородное любознаніе и надежда удовлетворить этой страсти увлекли Стрыйковскаго въ путешествіе, не совсѣмъ безопасное. Онъ велъ подробный журналъ, срывовалъ планы Константинополя и Адрианополя и въ извѣщеніи издалъ свои замѣтки немедленно по возвращеніи въ слѣдующемъ году. Числа удостовѣряютъ, что, начиная съ 1574 года, Стрыйковскій уже не оставилъ мысли написать исторію Литвы; но страсть къ путешествіямъ на нѣскольکو лѣтъ отдалила ея изданіе. Въ этихъ путешествіяхъ, предпринимаемыхъ безъ надлежащихъ средствъ, какъ-нибудь, наудачу, куда вѣтеръ занесетъ, Стрыйковскій посѣтилъ почти всю Европу и часть Азіи, именно: Русь, Ливондію, Курляндію, Финляндію, островъ Эзелъ и вообще всѣ берега Балтійскаго моря, Молдавію, Валахію, Бессарабію, Сербію, Булгарію, Оракію и всю вообще европейскую Турцію. Онъ упоминаетъ еще, что опылъ Европу по той же дорогѣ, по которой слѣдовалъ его баснословный Палемонъ *.

Въ этихъ путешествіяхъ съ нимъ случались тысячи приключеній (можетъ быть, преувеличенныхъ въ разсказѣ); онъ всегда счастливо увертывался отъ бѣды и любитъ этимъ прихвастнуть. Три раза былъ онъ взятъ въ плѣнъ Русскими и всегда успѣвалъ освободиться; а именно: разъ на р. Улмѣ, другой—подъ Чашниками, третій—при Сумѣ. Въ бытность свою въ Константинополѣ, однажды, переправляясь на лодкѣ съ двумя турецкими гребцами изъ предмѣстія Галаты въ самый городъ, онъ вообразилъ, что Турки хотятъ причалить къ азіатскому берегу и тамъ его захватить въ неволю. У шляхтича волосы поднялись дыбомъ, онъ схватилъ одно весло и принудилъ добродушныхъ мусульманъ, принявшихъ его за сумашедшаго, тотчасъ возвратиться на европейскую сторону. Это было какъ-разъ подлѣ висѣлицей князя Вишневецкаго. При всемъ томъ онъ три раза былъ въ рукахъ Турковъ, едва не проданъ былъ ими на галеры, три раза заражался моровою язвою, а въ Пруссіи попался въ руки разбойниковъ, которые пустили его едва живаго.

---

* Изъ этого видно, что Стрыйковскій, кромѣ земель, принадлежавшихъ тогда Польшѣ и европейской Турціи, нигдѣ не былъ: это не составляетъ почти всю Европу и часть Азіи.

Наконецъ, эти частыя неудачи образумили горячую голову. Онъ сталъ осторожиѣе, началъ размышлять о своей судьбѣ. Тутъ его остановила мысль: для чего Господь Богъ сохранилъ его, Матвѣя Стрыйковскаго, среди столькихъ опасностей? Самолюбіе рѣшило: для того, что ты готовишься къ великимъ подвигамъ. Соображая потомъ, какое бы это было великое призваніе, къ которому онъ такъ чудесно предназначался Провидѣніемъ, Стрыйковскій рѣшилъ, что призванъ Богомъ писать исторію Литвы, извлечь изъ мрака неизвѣстности дѣянія сего народа и тѣмъ прославиться, заслужить безсмертіе....

Послѣ этого прозрѣнія онъ усердно принялся за работу. Предпріятіе это давно уже занимало его мысли. Восемь лѣтъ посвящено было окончательной отдѣлкѣ исторіи Литвы. Но этотъ послѣдній актъ жизни засталъ его уже въ монашеской рясѣ, каноникомъ жмудскимъ. Неутомимый искатель приключеній уже устарѣлъ, и по большей части проживалъ въ гостяхъ у вельможъ Великаго Княжества Литовскаго; воображеніе его поуспокоилось, но гордость и высокое о себѣ мнѣніе возрасли до невѣроятности.

Да и взялся же онъ не за легкую работу! Спросите у него, сколько онъ прочиталъ книгъ, сколько слышалъ лѣтописей, сколько потѣлъ и мучился, несчастливецъ? Восемь лѣтъ онъ безпрестанно работалъ: «я, говоритъ Стрыйковскій, я, польскій шляхтичъ и человекъ вольный, я превзошелъ усердіемъ «Жидовъ, кои подъ кнутами и палками работали кирпичи въ «Египтѣ». Для переписыванія историческихъ матеріаловъ, онъ собралъ много мальчиковъ; а потому легко себѣ представить, сколько при этомъ переписываніи было сдѣлано ими ошибокъ; и онъ же Стрыйковскій немилосердно укоряетъ Мѣховиту за ошибки, отъ употребленія неисправныхъ копій своихъ переписчиковъ... Стрыйковскій увѣряетъ, что имѣлъ въ рукахъ и непрерывно слышалъ нѣсколько десятковъ лѣтописей русскихъ, московскихъ, литовскихъ, латинскихъ, греческихъ, шведскихъ, датскихъ, польскихъ, прусскихъ, лифляндскихъ и т. д. Разумѣется, въ этомъ исчисленіи, взятомъ со словъ его, участвовала свойственная Стрыйковскому страсть преувеличивать, и, безъ всякаго сомнѣнія, зная его легкомысленность можно утвердительно сказать, что число лѣтописцевъ, бывшихъ дѣйствительно въ его рукахъ, несравненно менѣе. Отуманенный себялюбіемъ, онъ на свои труды смотрѣлъ сквозь увеличительное стекло. Во всякомъ случаѣ, Стрыйковскій увѣряетъ, что всѣхъ его выписокъ и копій нельзя было бы забрать на цѣлую подводу. Онъ нѣсколько разъ терялъ многіе ма-

теріалы, долженъ былъ бороться съ недостатками, непрерывно разъѣзжать отъ одного вельможи къ другому, отъ Хоткевича къ князю Слуцкому и т. д., вездѣ ища покровителей своему сочиненію. Поэтому онъ, какъ выше было сказано, посвятилъ свою книгу нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, хотя вездѣ громко говорить, что ни для кого не писалъ изъ денегъ.

Итакъ, въ потѣ лица, въ непрерывныхъ трудахъ и поѣздкахъ, порождена была эта пресловутая, *никогда дотолъ свѣтомъ невиданная*, хроника, безобразная масса отрывковъ, переводовъ, сокращеній, распространеній, стиховъ, догадокъ, постороннихъ и вовсе ненужныхъ вставокъ. Авторъ, прижавъ ее къ родительскому сердцу, поѣхалъ въ Кенигсбергъ, и лично держалъ корректуру изданія.

Въ настоящее время трудно читать, оцѣнить и употребить въ дѣло эту хронику. Какъ въ одной народной сказкѣ говорится о смѣси бѣлаго и сѣраго мака, такъ и въ этой книгѣ перемѣшана истина съ баснями, нужное съ бесполезнымъ. Почти всѣ важнѣйшія битвы и поэтическіе случаи описаны стихами. Разумѣется, въ среднихъ вѣкахъ встрѣчаются цѣлыя риемованныя лѣтописи; но въ эпоху Стрыйковского исторію уже писали иначе. Да и въ прозѣ его не видно ни складу, ни ладу. Матеріалы необработаны, дурно поняты, совершенное отсутствіе порядка и единства. Невозможно постигнуть, какимъ образомъ самъ авторъ былъ доволенъ этой бозтолковщиной!!... А между тѣмъ, какъ онъ честить Мѣховиту, компилятора Длугошева? «У Мѣховиты, говоритъ онъ, всякую бездѣлицу, надобно «искать, какъ въ лабиринтѣ; все въ страшномъ безпорядкѣ; однако и тоже раздѣлено и повторяется въ четырехъ, даже въ пяти главахъ....»

Приговоръ этотъ Стрыйковского Мѣховитѣ совершенно относится къ нему самому; слова нельзя изъ него выбросить: нѣтъ! должно еще прибавить, ибо Мѣховита, безъ всякаго сравненія, толковѣе Стрыйковского. Стрыйковскій, компилируя, не соглашаетъ фактовъ, не сливаетъ ихъ въ одно цѣлое, едва въ состояніи изъ русскихъ лѣтописцевъ, перепутавъ ихъ самымъ безбожнымъ образомъ, составить одну кучу. Варіанты приводятся въ тысячный разъ, а остальное берется цѣлыми выписками (весьма часто не на своемъ мѣстѣ помѣщенными) изъ печатныхъ книгъ, преимущественно изъ польскихъ. Дунсбургъ цитируется рѣдко; выписавъ изъ него разомъ все, что почиталъ нужнымъ, онъ отдѣльной тетрадь вставилъ эту выписку въ книгу X, между Рингольдомъ и Миндогомъ....

Матеріалы Стрыйковскаго, не считая печатныхъ книгъ, дѣйствительно были весьма обильны; хотя тоже не подлежитъ сомнѣнію, что итогъ и внутреннее достоинство ихъ весьма преувеличены. Во всякомъ случаѣ однакожъ, намъ приходится нынѣ оплакивать совершенную потерю многихъ источниковъ, бывшихъ въ рукахъ у Стрыйковскаго. Ненаученный примѣромъ Длугоша, какъ употреблять въ дѣло документы и подлинныя акты, онъ нигдѣ на нихъ не опирается; а если когда и случаются у него ссылки, то всегда уже на тѣ акты, которые гдѣ-нибудь были напечатаны. Онъ не помѣстилъ въ своей хроникѣ ни одного документа въ полной выпискѣ; есть начало эрекціонной грамоты на епископство виленское и часть акта городельской униі, но ими онъ ничего не подкрѣпляетъ. До 1387 года дѣйствительно трудно было ему имѣть правительственныя бумаги; но потомъ онѣ появились въ значительномъ числѣ и пользованіе ими сдѣлалось весьма легкимъ; однакожъ, Стрыйковскій желалъ лучше выписывать готовое изъ лѣтописей, нежели творить самому.

У Стрыйковскаго, по его собственному показанію, источники были слѣдующіе: 12 лѣтописей литовскихъ, 5 прусскихъ, 4 ливонскихъ, 5 польскихъ, (т. е. Длугошъ, Мѣховита, Кроммеръ, Бѣльскій и отрывокъ изъ Ваповскаго) и 4 кievскихъ, всего 30 лѣтописцевъ. изъ коихъ одинъ былъ писанъ по-славянски *.

Литовскихъ лѣтописцевъ иногда Стрыйковскій насчитываетъ до пятнадцати. «Пятнадцать лѣтописцевъ русскихъ, литовскихъ и жмудскихъ собралъ я изъ разныхъ мѣстъ и слышалъ для «открытія истины» и пр. (кн. III.) При изслѣдованіи потомства Ольгердова онъ упоминаетъ, что сводилъ пятнадцать же лѣтописцевъ (кн. XII. раз. XIII.) Въ другихъ мѣстахъ, мзднѣе, онъ

---

* Неужели г. Крашевскому неизвѣстно, что всѣ русскія лѣтописи писаны по-славянски? Миѣ кажется, оговорку Стрыйковскаго можно объяснить тѣмъ, что всѣ русскія лѣтописи, бывшія у него въ рукахъ (кромѣ одной), были писаны польскими литтерами, подобно русской лѣтописи, отысканной профессоромъ Даниловичемъ въ Супраслѣ: тогда это была мода въ западной Россіи. Дворянство русское въ XVI столѣтіи было уже частью омолощено. Она же лѣтопись была у Стрыйковскаго въ подлинномъ своемъ видѣ, т. е. написана кирилловскими буквами; ее-то и оговариваетъ Стрыйковскій.

насчитываетъ ихъ только двѣнадцать. Если бы въ полной мѣрѣ можно было довѣрять словамъ Стрыйковскаго, тогда, при этой разницѣ, можно было бы предположить, что изъ пятнадцати лѣтописцевъ три были старѣе XV вѣка, и слѣдовательно, при дальнѣйшемъ составленіи хроники, уже не могли ему служить. Остальные двѣнадцать упоминаются даже въ XVI столѣтіи, но все рѣже и рѣже; ибо Стрыйковскій имѣлъ уже достаточные матеріалы въ польскихъ историкахъ. Одна-кожь, онъ цитируетъ еще русскихъ лѣтописцевъ подъ 1459 годомъ (кн. XIX), подъ 1479-мъ (кн. XX), подъ 1505-мъ (кн. XXII) и даже еще позднѣе. Теперь вопросъ: на какомъ языкѣ были написаны эти двѣнадцать литовскихъ лѣтописей? Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ писаны были не политовски. Впервыхъ, въ пользу этого мнѣнія говорить нравственное убѣжденіе, подкрѣпляемое всякаго рода правдоподобіями. Вовторыхъ, слова самого Стрыйковскаго, ясно говорящаго въ «Курьерѣ Добродѣтели»: «потому и ови (Литвыны), хотя письма не «знали, однакожь оставили свидѣтельство потомству о дѣлахъ «своихъ, каковыхъ часть Русь, описавъ, смѣшала съ своими.» Втретьихъ, Стрыйковскій, въ хроникѣ (кн. X), доказывая, что Гедимицъ былъ сынъ, а не чиновникъ литовскаго князя Витена, выражается такъ: «все литовскія лѣтописи, писанныя «порусски, древніе Литовцы принимаютъ за свои собственныя.» И такъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что все двѣнадцать лѣтописцевъ литовскихъ были сочинены и написаны на русскомъ языкѣ; вѣроятно, они похожи были на ту лѣтопись, которую недавно открылъ и напечаталъ виленскій профессоръ Давидловичъ. Слѣдовательно, въ свою очередь, все эти лѣтописи, какъ составленныя на русскомъ языкѣ, отнюдь не могли быть такъ древни, какъ полагаетъ Стрыйковскій; ни одна изъ нихъ не могла быть старѣе XIII вѣка, и даже, кажется, что, напротивъ, все онѣ были гораздо новѣе.

Изъ непрерывныхъ жалобъ Стрыйковскаго можно уразумѣть, что литовскія лѣтописи, которыми онъ пользовался, вовсе не имѣли хронологіи; ибо лѣтописцы, описывая прошлое время по преданіямъ, не означали годовъ. Стрыйковскій хвалится, что онъ, какъ могъ, понаходилъ года описываемыхъ событій: отъ такого усердія наполнилъ онъ свою хронику самыми нелѣпыми анахронизмами; онъ давалъ хронологическій порядокъ совершенно произвольно, почти такъ, какъ ему самому вздумалось, и этому его произволу есть много доказательствъ. Въ повѣтствованіи объ Ердзивилѣ Монтивловичѣ, Стрыйковскій говоритъ, что литовская лѣтопись не означаетъ года втораго-

нія этого князя, съ тремя весьма подозрительными товарищами, на Русь; но что онъ самъ, по соображенію съ другими обстоятельствами, отнесъ это событіе подъ 1212 годъ. Вотъ его собственныя слова: «но годовъ, когда что случилось, не опредѣляютъ; ибо какъ можно было имъ заимствовать эту систему у другихъ историковъ: время, въ которое они жили, было «весьма невѣжественно, и они просто себѣ брели.» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «что за негодяи и неучи эти литовскіе и «русскіе лѣтописцы (ухъ, какъ онъ на нихъ разсердился!). Все «что имъ со слюною къ губамъ притекало, все писали, какъ-ни-«будь и безъ толку. Нигдѣ не означаютъ лѣтъ или годовъ, «когда что произошло, не сообразивъ порядочно того и т. д.» При такой жалкой критикѣ фактовъ и при необыкновенной поспѣшности бросаться на все, что попадетъ въ руки, весьма легко представить, сколько Стрыйковскій надѣлалъ грубѣйшихъ ошибокъ.

Насъ теперь удивляетъ обиліе древнихъ источниковъ, бывшихъ въ рукахъ у Стрыйковского, тогда какъ до нашего времени дошло не болѣе двухъ, и то отрывочныхъ и поздно начинающихся, лѣтописей *. Однакожь, изъ словъ самого Стрыйковского можно утвердительно заключить, что упоминаемыя у него лѣтописи не всѣ были совершенно отдѣльныя, но просто различные списки съ двухъ или трехъ основныхъ лѣтописей. Онъ любитъ считать и печатныя книги вдвойнѣ, лишь бы онѣ были разныхъ изданій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приводимыя выписки изъ лѣтописей даютъ право полагать, что самыя лѣтописи писаны въ христіанской Руси: слогъ ихъ отзывается буквальнымъ переводомъ со славянскаго и годы считаются отъ сотворенія міра **.

Изъ числа лѣтописей, бывшихъ у Стрыйковского, нѣкоторыя отдѣльно поименованы имъ, для отличенія отъ другихъ;

* А именно: лѣтописецъ, изданный г. Даяилевичемъ, начинающійся смертію Гедимина, и рукопись, находящаяся въ рукахъ у г. Нарбута, и называемая имъ лѣтописью Быховца; она обѣщана также быть напечатанною.

Прим. перес.

** Это мѣсто не развито г. Крашевскимъ. Почему онъ говоритъ: въ христіанской Руси? Великое Княжество Литовское, до 1387 года, состояло все изъ Руси, а идолопоклоннической, языческой Руси съ XI вѣка уже не было.

Прим. перес.

такимъ образомъ въ предисловіи къ «Курьеру Добродѣтели» (изданъ въ 1574) Стрыйковскій пишетъ, что руководствовался рукописною лѣтописью какого-то инока Димитрія, писанною порусски древними литерами; изъ этой лѣтописи почерпнулъ онъ и извѣстіе о пришествіи Палемона; но когда она была составлена, о томъ ни слова. О лѣтописи инока Димитрія можно еще замѣтить то, что всѣ варіанты хроники противу «Курьера Добродѣтели» принадлежатъ этой лѣтописи.

Въ самой хроникѣ можно открыть двѣ отдѣльныя лѣтописи, различаемыя самимъ Стрыйковскимъ. Одна изъ нихъ получена была имъ отъ князей Заславскихъ изъ м. Великой-Брестовицы (Гродненской губерніи и того же уѣзда). О времени ея составленія можно догадываться по выпискѣ, которую изъ ней приводитъ Стрыйковскій; именно: говоря объ Аттилѣ, упоминается о рѣкѣ Югрѣ, съ оговоркою: «а Югра теперь въ землѣ Ивана царя,» т. е. Ивана царя. Слѣдовательно брестовицкій лѣтописецъ писалъ въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго, т. е. уже въ началѣ XVI столѣтія *. Вѣроятно, этою самою лѣтописью Стрыйковскій пополнялъ свою хронику до самого 1505 года. Сверхъ этой брестовицкой лѣтописи, Стрыйковскій ясно отличаетъ еще одну лѣтопись изъ бывшихъ въ его распоряженіи, при чемъ называетъ ее ошибочною и жалуется, что по милости ея, онъ и самъ не разъ впадалъ въ ошибки при составленіи генеалогіи литовскихъ князей. Эта лѣтопись баснословную дочь Кернуса, Пайту, называетъ дочерью Куковойтиса; сверхъ того она много надѣлала ошибокъ касательно Куковойтиса, Утенеса, Гедруса и пяти сыновъ Ромунда, которыхъ полагаетъ лѣтми Трабуса. Всѣ эти ошибки исправлены въ хроникѣ. По этимъ признакамъ можно было бы узнать эту не повравившуюся Стрыйковскому лѣтопись, въ случаѣ открытія какого-нибудь ея списка. Но здѣсь нельзя не замѣтить, что всѣ ошибки, насчетъ Паяты, сыновъ Ромунда и пр., находятъ въ «Курьерѣ Добродѣтели»; а какъ этотъ «Курьеръ» основанъ былъ единственно на показаніяхъ лѣтописи инока Димитрія: слѣдовательно весьма можетъ быть, что разруганная въ хроникѣ ошибочная лѣтопись есть таже самая лѣтопись инока Димитрія, только Стрыйковскій забылъ назвать ее по имени.

---

* Это несправедливо. Иванъ Грозный началъ царствовать съ 1534 года, а дѣдъ его Иванъ, жившій дѣйствительно въ началѣ XVI вѣка, не назывался царемъ.

Всѣ остальные лѣтописи, литовскія и русскія, у Стрыйковскаго нигдѣ не различаются. Правда, иногда онъ указываетъ на ихъ несогласіе между собою, напримѣръ, при описаніи событій на Руси, вставленномъ въ хронику послѣ Кернуса и Гимбута, но говорить очень глухо и весьма неловко ставить Герберштейна на одну доску съ древними лѣтописцами. Послѣ Свинто-рога, который, если слѣдовать хронологіи Стрыйковскаго, родился гораздо раньше своего отца и даже дѣда, ссылки на лѣтописи уменьшаются, исторія наполняется всякимъ вздоромъ, и продолжается одно родословіе князей, составленное совершенно произвольно. О Витенесѣ также весьма мало почерпнуто изъ литовскихъ и русскихъ лѣтописей; изъ послѣднихъ только заимствовано извѣстіе о взятіи Полоцка въ 1307 году.

Чтобъ яснѣе видѣть, въ какой мѣрѣ Стрыйковскій воспользовался лѣтописями, просмотримъ его хронику по 1387 годъ, не входя ни въ какія подробности. Пропустимъ обѣ первыя книги, гдѣ разсматривается происхожденіе народовъ и излагается басня о Палемонѣ, которую послѣ мы разберемъ подробнѣе. *Книга III.* Здѣсь онъ опять говоритъ о пяти стахъ итальянскихъ дворянахъ, прибывшихъ въ Литву, и добавляетъ: *всѣ лѣтописи на это согласны.* Тамъ же о плаваніи Палемона по Дубиссѣ и заложеніи Ейраголы—*литовскія лѣтописи свидѣтельствуютъ.* Тамъ же, выводя смѣшнымъ образомъ названіе Литвы отъ lituus-tuba, ссылается на *литовскія лѣтописи.* Потомъ, повторяя басню о Палемонѣ, упирается опять на *свидѣтельство лѣтописцевъ;* а еще ниже, въ подтвержденіе этого, приводитъ пятнадцать лѣтописцевъ русскихъ, литовскихъ и жмудскихъ. О смѣшеніи итальянскихъ выходцевъ съ природными литовцами—*опять лѣтописцы говорятъ.* Основаніе Вилькомира Довшеспрунгомъ—*тоже изъ лѣтописцевъ.* Въ княженіи Кернуса повторяя свой выводъ насчетъ lituus-tuba, говоритъ: *на это древнія лѣтописи русскія, литовскія и жмудскія согласны.* О походѣ Литовцевъ на Русь подъ Полоцкъ говорить: *какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи.* Ниже, подъ 1200 годомъ, упоминая объ опустошеніи Литвы набѣгомъ Кернуса и Гимбута, и о занятіи оной Нѣмцами, прибавляетъ: «такимъ образомъ теперь начнется, съ великимъ трудомъ составленная, обстоятельная и истинная исторія Литвы, когда мы по порядку свѣримъ и согласимъ пятнадцать (съ большимъ трудомъ пріобрѣтенныхъ) лѣтописцевъ съ иноземными хрониками, какъ то: съ Длугошемъ, Мѣховитою, Кромеромъ, а также съ русскими, московскими, прусскими, курляндскими и эфляндскими, древними, просто, но справедливо составленными, лѣтописцами.» — Въ книгѣ IV Стрыйковскій пишетъ, по

большей части, то, что самъ видѣлъ, присовокупляетъ выписки изъ Дуйсбурга и другихъ, а изъ лѣтописей ничего нѣтъ. — Книга V, раздѣлъ XII, въ концѣ, при описаніи нашествія князя Владиміра ссылается на *русскія лѣтописи* и поправляетъ *литовскія*. — Въ Книгѣ VI приводится какъ матеріалъ *Хроника Русская*. Также, повѣствуя о походѣ Литовцевъ и Жмуди съ Запледейской стороны въ 1217 году на Русь, говоритъ, что этотъ годъ назначилъ самъ, ибо о времени этого похода *у всѣхъ лѣтописцевъ* нѣтъ ни слова, а упоминается одно только имя Ердзивилла. Здѣсь приводитъ изъ лѣтописей извѣстіе о кометѣ 18 мая 1211 года. Описаніе похода 1217 года (?) — *изъ лѣтописцевъ*. Этой же книги раздѣлъ XI — *изъ лѣтописей*. О разданіи Ердзивиллою земель въ награду тремъ своимъ помощникамъ и о происхожденіи ихъ отъ итальянскихъ пришельцевъ, присовокупляетъ: *о чемъ согласно свидѣтельствуютъ лѣтописцы*. О предкѣ Довойновъ особенно говоритъ: *какъ всѣ лѣтописцы свидѣтельствуютъ*. О смерти Викинта, брата Ердзивиллово, — *свидѣтельствуютъ лѣтописи*. О князьяхъ Полоцкихъ, о св. Параскевіи, говоритъ, что *выписалъ изъ русскихъ и литовскихъ лѣтописцевъ*, и приводитъ даже изъ нихъ отрывокъ, обезображенный переписчикомъ. Описывая побѣду Скирмунта надъ княземъ лужичимъ, начинаетъ съ жалобы, что лѣтописцы нигдѣ не означаютъ годовъ, прибавляетъ что годы самъ онъ написалъ, и приводитъ отрывокъ на русскомъ языкѣ. По случаю битвы при р. Яцольдѣ, пишетъ: и зывала Русь — *какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи* — съ великимъ плачемъ, что ихъ многочисленное войско было поражено безбожными Литовцами». Потомъ еще разъ жалуется на отсутствіе хронологіи въ лѣтописяхъ, и приводитъ ошибку въ одномъ лѣтописцѣ, который Паяту сдѣлалъ не матерью, а дочерью Куковойтиса, и другія подобныя ошибки. Мы уже выше видѣли, что этотъ лѣтописецъ, вѣроятно, есть инокъ Дмитрій. О битвѣ на р. Неманѣ у Могильной, *свидѣтельствуютъ лѣтописи*. О смерти Рингольта и объ его потомствѣ — *также свидѣтельствуютъ лѣтописи*; при чемъ, упоминая, что нѣкоторые изъ нихъ вовсе умалчиваютъ о Миндовѣ, въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ на русскомъ языкѣ отрывокъ лѣтописи, и, основываясь на *двухъ лѣтописяхъ*, находящихся въ м. Гродекѣ (Gródka) у старосты Гроденскаго Александра Ходкевича, рѣшительно утверждаетъ, что Миндовъ былъ сынъ Рингольта. — Книга VIII. О поѣздѣ Товтивилла въ Лифляндію *свидѣтельствуютъ лѣтописцы*. О третьемъ походѣ магистра Андрея тоже *свидѣтельствуютъ лѣтописцы*. О сближеніи Миндова съ магистромъ, и о склонности его къ ми-

ру—говоритъ брестовицкій лѣтописецъ. Исторію Вольстынника (Войшелга) выписываетъ изъ одного стараго лѣтописца. Извѣстіе объ убіеніи Войшелга со всѣми подробностями внесъ въ свою хронику, такъ какъ свидѣтельствуемъ лѣтописецъ, а о погребеніи его—изъ лѣтописца русскаго и литовскаго. Въ «Курьерѣ Добродѣтели» Стрѣйковскій написалъ, что этотъ князь литовскій убитъ въ Вровскѣ, что самое повторилъ и Гваньиня, какъ воспользовавшійся тогдашними матеріалами Стрѣйковскаго; но въ хроникѣ, на основаніи извѣстій нѣсколькихъ лѣтописцевъ, ошибка лѣтописи ивока Дмитрія исправлена, и записано убіеніе Войшелга въ г. Владимірѣ. О Тройденѣ, котораго неправильно смѣшавъ съ Тринотою, упоминаемымъ у Дунсбурга, прибавляетъ: какъ нѣкоторые лѣтописцы свидѣлствуютъ. Въ концѣ этого же раздѣла извиняется въ ошибкахъ, сдѣланныхъ въ «Курьерѣ», по причинѣ невѣрной лѣтописи Дмитрія: въ Курьерѣ обманулъ меня одинъ русскій лѣтописецъ. Эти ошибки, какъ выше было сказано, относятся къ неправильной генеалогіи князей Кернуса, Пааты, Куковойтиса, Утенеса, Гедруса и сыновей Ромунда. — Книга IX. О покореніи Ятвяговъ и zaloженіи Райгрода два раза говорятъ: какъ лѣтописцы свидѣлствуютъ. О междуособіяхъ въ Лптвѣ въ 1281 году—въ древніе лѣтописцы единогласно повѣствуютъ. Тамъ же о причинахъ войны, по поводу отношеній Довмонда къ женѣ князя Нарямунда, говорятъ: такъ дѣло объясняется у лѣтописцевъ. Описывая нашествіе Прусаковъ и Жмуди на владѣнія рыцарей, присовокупляетъ: объ этомъ свидѣлствуютъ и русскіе лѣтописцы. Далѣе, рассказывая походъ Лаврыша на Довмунда и разбитіе этого послѣдняго, говорятъ: какъ всѣ лѣтописцы согласно свидѣлствуютъ и описываютъ; однакожъ, мѣста, гдѣ было сраженіе, не упоминаетъ. Выборъ Витенеса описанъ, основываясь на свидѣлствѣ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ. — Книга X. Критикуя Мѣховиту (почему не Длугоша?), за то, что относитъ смерть Гедимина къ 1307 году, прибавляетъ, что это противно всѣмъ лѣтописцамъ. Взятіе Полоцка Литвинами въ 1307 году выписано, по его словамъ, изъ старыхъ русскіхъ лѣтописей. О голодѣ въ Лптвѣ и Польшѣ—какъ свидѣлствуютъ лѣтописцы. Въ концѣ этой книги, излагая и доказывая свое мнѣніе, что Гедиминъ былъ сынъ Витенеса, ссылается нѣсколько разъ на лѣтописи и приводитъ изъ нихъ выписку въ польскомъ переводѣ. Г. Нарбутъ въ наше время возобновилъ прежніе доводы Стрѣйковскаго; однакожъ всѣ они весьма слабы. Пелюсса никогда не назывался великимъ княземъ, но просто королемъ, *rex*, какъ вообще чужеземцы именовали литовскихъ владѣтелей; а Дунсбургъ назы-

ваетъ его даже просто *Litvanis*. Притомъ вся подробная исторія княженія Гедимина ^{нежели} была только ошибкою и передѣлкою, а больше ничего? Гваньини извѣстны оба преданія о Гедиминѣ, а Длугошъ не пишетъ ничего о женѣ Витенеса и о соглашеніи съ нею бывшаго конюха. — *Книга XI*. О погребеніи Витенеса заимствуетъ изъ *лѣтописцевъ русскихъ*. Осаду Ковно (Кунасовъ) изъ лѣтописей ливонскихъ хроникъ и *русскихъ лѣтописей*. Истолкованіе Ледзейкою сна Гедимина заимствуетъ также изъ *лѣтописей*. О Ледзейкѣ оттуда же. — *Книга XII*. О татарскихъ царькахъ—изъ *русскихъ лѣтописей* (это мѣсто можетъ быть пояснено лѣтописью изданною Даниловичемъ:). О построеніи въ Подоліи нѣкоторыхъ крѣпостей (ошибочно) дѣтьми Коріата и объ избраніи Юрія Коріатовича валахскимъ господаремъ — изъ *лѣтописцевъ*. О походѣ Ольгерда подъ Москву—какъ о томъ всѣ *лѣтописцы свидѣтельствуютъ, если бы ихъ хотя тысячу слышать*, а немного ниже: *хотя русскія лѣтописи о семъ не упоминаютъ, кромѣ Герберштейна*. Тутъ же о сломаніи копыя объ кремлевскія ворота прибавляетъ: *другіе лѣтописи упоминаютъ, что копые не было переломлено, а только приставлено къ стѣнѣ*. О кандидатурѣ Константина Коріатовича на польскую корону—какъ говорятъ *лѣтописцы* (но въ самомъ дѣлѣ у Длугоша этого нѣтъ). Описывая преждевременную смерть Александра Коріатовича, на основаніи Длугоша, поправляетъ извѣстія *литовскихъ лѣтописцевъ*. Критикуя Кромера и Мѣховиту насчетъ князя Александра подольскаго ссылается на *русскія лѣтописи*. О супружествѣ Кейстута, не означая года и вставивъ расказъ не на своемъ мѣстѣ, говоритъ: *такъ происшествіе описывается у русскихъ лѣтописцевъ*. Мщеніе Кейстута надъ Войдиллою—какъ *свидѣтельствуютъ лѣтописцы*. Говоря о примиреніи Ягайлы съ Витольдомъ, прибавляетъ: *а литовскія лѣтописи свидѣтельствуютъ, что и т. д.* — *Книга XIII*. Тутъ Стрыйковскій опять весьма часто ссылается на лѣтописи; о переправѣ черезъ Вислу при Завихвостѣ *два раза свидѣтельствуютъ лѣтописцы*. О совѣтѣ, данномъ Радзивиломъ, говоритъ: *обо всемъ этомъ лѣтописцы согласно свидѣтельствуютъ*. Объ исторіи чудотворящаго Креста Господня—*русскій лѣтописецъ пишетъ*. О разграниченіи съ Польшею также—*лѣтописецъ утверждаетъ*. Потомъ, доказывая, что это было вторичное завладѣніе древомъ Креста Господня (ошибочно: изъ одного сдѣлано два случая) прибавляетъ, что онъ это описалъ *сходно съ древними русскими и литовскими лѣтописями*. Событіе это должно отнести къ 1370 году.

Такимъ образомъ мы старались собрать всѣ мѣста хроникъ

Стрыйковского, гдѣ упоминается о лѣтописяхъ, какъ источникахъ, чтобы показать, гдѣ именно пользовался ими авторъ, и въ какой мѣрѣ. Притомъ внимательное сравненіе убѣждаетъ, что все остальное заимствовано изъ Длугоша, Дунсбурга и другихъ.

Сверхъ сего, въ хроникѣ Стрыйковского встрѣчаются нѣсколько разъ выписки изъ народныхъ пѣсень, приводимыя, какъ бы подкрѣпленія и доказательства фактовъ. Напримѣръ, въ книгѣ VI—пѣсня о Поляхъ, въ книгѣ IX—о Довмундѣ, начинающаяся словами: *Doi mantas, Doi mantas gedkotos kunigos, tobos Rajtos tugnie*; и въ тойже главѣ пѣсня о Гурдѣ Гинвилловичѣ, убитомъ крестоносцами подъ Ковно, въ слѣдующихъ словахъ: *не такъ тебѣ замка жаль, какъ храбрыхъ воиновъ въ огнь горящихъ* и т. д. — Что касается до Петра Дунсбурга, то Стрыйковскій имѣлъ въ своихъ рукахъ экземпляръ этой нѣмецкой хроники, тотъ самый, который Иванъ Ходкевичъ нашелъ въ костелѣ Румбарскаго замка и подарилъ извѣстному Ротунду, виленскому бургомистру, занимавшемуся также исторіею Литвы, а Ротундъ сообщилъ ее, для снятія копій, Стрыйковскому. Кромѣ того у Стрыйковского была, какъ онъ говоритъ въ книгѣ VII, еще нѣмецкая хроника, родъ дневника, гдѣ записаны были всѣ рыцари, убитые въ войнахъ съ Литовцами; небольшая эта хроника принадлежала къ XIV столѣтію (до 1348 года).

Употребляя всѣ вышеназчисленные и сверхъ того множество печатныхъ матеріаловъ, Стрыйковскій, — повторю опять, — смѣшалъ истину съ баснями, присвокупилъ ко всему хронологію своего собственнаго изобрѣтенія, перепуталъ и переименовалъ событія и приправилъ все это уродливѣйшими предположеніями, также собственнаго произведенія. Въ наше время почти невозможно отдѣлить въ его хроникѣ истину отъ вымысла: развѣ открыты будутъ тѣ самые источники, коими пользовался неискусный Стрыйковскій для составленія исторіи Литвы отъ XI до XIV вѣка. Но этого даже и надѣяться нельзя!

Всѣми своими разнообразными и многочисленными матеріалами Стрыйковскій могъ пользоваться безъ посторонней помощи, потому что зналъ нѣсколько языковъ, выучившись имъ частію въ школѣ, частію въ путешествіяхъ и изъ чтенія книгъ. Сверхъ латинскаго языка, коему учился въ Бржезнихахъ, и усовершенствовался послѣ на службѣ, но которымъ, однакожъ, никогда не владелъ хорошо, Стрыйковскій; должно предполагать, зналъ понѣмецки, ибо въ предисловіи къ хроникѣ объясняется самъ перевести ее на языки латинскій и нѣмецкій. Не знаю,

не его ли собственный тотъ переводъ хроники на латинскомъ языкѣ, который, говорятъ, находился въ библиотекѣ Ченстоховскаго монастыря? Стрыйковскій зналъ и литовскій языкъ, ибо въ хроникѣ неоднократно приводитъ цѣлыя мѣста на этомъ языкѣ; изъ нихъ нельзя заключить, чтобъ онъ его не понималъ. Имена боговъ написаны весьма правильно. Порусски и по славянски онъ также зналъ, и если есть въ переводахъ съ этихъ языковъ ошибки, то ихъ скорѣе слѣдуетъ приписать небрежности, нежели невѣденію.

Въ особенности Стрыйковскій потрудился надъ выводомъ княжескаго литовскаго дома и нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ фамилій отъ какихъ-то римскихъ эмигрантовъ *. Любопытно читать подлинникъ и слѣдить, какъ онъ на каждой страницѣ величается своей работою, какъ немилосердно цитируетъ римскихъ историковъ, и преимущественно Флора, какъ силится найти тамъ имя Палемона, какъ, отыскавъ наконецъ въ исторіи какого-то Либона, замѣшаннаго въ междоусобіяхъ Цезаря съ Помпеемъ, съ восторгомъ утверждаетъ, что это все равно, что Палемонъ, и заставляетъ его изъ Этруріи путешествовать въ Литву къ устью Немана, по маршруту, составленному самимъ Стрыйковскимъ, на основаніи свѣдѣній, приобретенныхъ въ частыхъ его поѣздкахъ.

Хотя, утверждаясь на сходствѣ именъ: Либонъ и Палемонъ, Стрыйковскій относитъ прибытіе Римлянъ въ Литву къ эпохѣ Юлія Цезаря, однакожъ не отвергаетъ и другихъ сказаній, относящихся эту эмиграцію, то къ царствованію Нерона, то къ нашествію Аттилы, что было уже въ V столѣтіи по Р. Х. Стрыйковскому все хорошо, лишь бы только доказать происхожденіе литовскихъ князей и дворянъ отъ римскихъ патриціевъ!!! Вся эта повѣсть о Палемонѣ, основанная на какомъ-то неясномъ свидѣтельствѣ лѣтописцевъ, составлена съ единственною цѣлію польстить тщеславію нѣсколькихъ дворянскихъ

---

* Замѣчательно, что и нашъ Иванъ Васильевичъ Грозный любилъ выводить свою генеалогію отъ императора Августа. Тогда не было благороднаго происхожденія безъ прелка изъ римскихъ патриціевъ. Такое направленіе отразилось и на нашихъ родословныхъ книгахъ: сколько изъ нашихъ дворянъ считаютъ родоначальниками своими иностран-ныхъ выходцевъ? *Прим. перев.*

фамилій, давъ имъ предковъ прямо изъ Рима. Самъ Стрыйковскій считалъ выводъ о Палемонѣ главнѣйшею своею услугою; а потому разборъ этой повѣсти не можетъ быть безъ интереса. Не менѣе любопытно посмотрѣть, какъ онъ счѣмъ перепутать происхожденіе народовъ славянскаго и литовскаго племенн. Въ этомъ случаѣ у него являются, какъ современники: Геродотъ и Птоломей, Плиній и Юрнанъ; онъ у каждого беретъ по клочку, сваливаетъ въ кучу и все это мѣшаетъ. Словомъ: хаосъ невыразимый!... Однакожъ, со всѣмъ тѣмъ эта часть хроники можетъ быть приведена въ порядокъ, ибо слѣплена изъ фактовъ, совершенно извѣстныхъ, и которые Стрыйковскій напрасно трудился перемѣшивать, какъ зерно въ рѣшетѣ. Тутъ дѣло можетъ обойтись и безъ него. Зато далѣе, когда источниками у него были однѣ литовскія лѣтописи, дѣло несравненно труднѣе. Вообще можно сказать, что исторія Литвы, отъ XI-го до XIV-го вѣка, должна быть, по необходимости, извлечена изъ хроники Стрыйковскаго, но не иначе какъ подвергнутой напередъ строгому критическому разбору; ибо изъ другихъ источниковъ ничего объ этой эпохѣ неизвѣстно, а у Стрыйковскаго факты лежатъ сваленные безъ малѣйшаго ученаго разбора: нѣтъ тамъ ни складу, ни ладу; все перепутано, будто съ умысломъ; изложеніе прерывается вещами посторонними, рѣшительно какъ бы нарочно для того чтобы сбить съ толку читателя; а несчастные стихи окончательно все затмѣваютъ. Разобрать Стрыйковскаго—истинно египетская работа: придется каждое извѣстіе, прежде нежели включить въ текстъ исторіи, опредѣлить, откуда оно пошло къ Стрыйковскому, внимательно его осмотрѣть и оцѣнить; придется имена и событія, которыя, по всему вѣроятію, повторяются вдвойнѣ, помѣщать какъ совершенно различныя, подъ разными годами, искусно распутать и поставить на своемъ мѣстѣ....

Займемся разборѣмъ нѣкоторыхъ данныхъ въ хроникѣ Стрыйковскаго. Хотя онѣ очевидно баснословны, но, можетъ быть, имѣютъ основаніемъ истину, затемненную временемъ.

Прежде разсказа о своемъ любезномъ Палемонѣ, Стрыйковскій выводитъ на сцену нѣкоего Вейдевута, готскаго или скандинавскаго князя, а, по его мнѣнію, простаго Аланина, заимствовавъ извѣстіе о немъ у Еразма Стелли (который, въ свою очередь, почерпнулъ его изъ утерянной нынѣ Лѣтописи епископа Христіана). Это извѣстіе, списанное нашимъ авторомъ со свойственнымъ ему легковѣріемъ, можетъ быть, подало ему мысль и послужило образцомъ къ изображенію фигуры Пале-

мона. Стрыйковскій относитъ существованіе Вейдевута къ VI-му столѣтію по Р. Х., а Кояловичъ, не рассуждая много, принялъ все это за чистую монету. Самъ, въ наше время столь препрославленный прусскій историкъ, Фойгтъ, принимаетъ Вейдевута за лицо историческое, по причинѣ, упоминаемой въ преданіи о немъ, войны съ Мазурами, въ достовѣрности которой историкъ не сомнѣвается. Но мы, не взирая на всю славу г. Фойгта, не раздѣляемъ таковой оцѣнки Вейдевута, а вмѣстѣ съ тѣмъ равно не согласны съ и другими писателями, разбиравшими этотъ самый предметъ; ибо о Вейдевутѣ существуетъ много разнообразныхъ мнѣній, и самая орографія имени этого неодинакова: пишутъ Видевудъ, Вайдевуть, Витовидо и т. д.

Стрыйковскій, какъ выше было сказано, считаетъ его Аланиномъ, Гарткнохъ—Римляниномъ, Шютцъ приводитъ его въ Пруссію изъ Тавриды, Шлѣцеръ совершенно отбрасываетъ эту баснь, Бочко не удостоиваетъ ее даже упоминанія, Коцебу выписываетъ извѣстіе о Вейдевутѣ, какъ народное преданіе, устраниаясь отъ всякой критики, Генцигъ же считаетъ скандинавскаго Одина и литовскаго Вейдевута за одно и тоже лицо; наконецъ, Фойгтъ, критикуя ихъ всѣхъ, нашель, что Вейдевуть есть историческій фактъ, а по слѣдамъ его пошелъ охотно и г. Нарбутъ. Кто же этотъ Вейдевуть, котораго имя, немилосердно изворачивая, изъясняетъ г. Фойгтъ? Это—миенскій образъ, первобытное преданіе о соединеніи литовскихъ народовъ въ общество, преданіе о началѣ общественной ихъ жизни, преобразенное въ олицетвореніе. Оно имѣетъ нѣкоторое сходство съ повѣстію о королевѣ Круминѣ, пришедшей съ береговъ Роси въ Литву и принесшей туда изъ странъ просвѣщеннѣйшихъ искусство земледѣлія. И эта Крумина, и тотъ Вейдевуть, убранные въ одежду историческаго факта, суть только преданія объ исшествіи народа литовскаго изъ дикаго быта. Преданіе это въ устахъ людей, вѣроятно, было олицетвореннымъ воспоминаніемъ о томъ, какъ въ вѣкахъ глубочайшей древности составилъ народъ литовскій изъ отдѣльныхъ, скотоподобныхъ семействъ; а можетъ быть, означало также и воспоминаніе о первобытныхъ вождяхъ, захватившихъ власть надъ собравшимся въ кучу народомъ. Все, что говорится о Вейдевутѣ, повторяется о всѣхъ первобытныхъ законодателяхъ дикихъ народовъ, только что группирующихся въ правильное общество: это, просто, историческій символъ, обыкновенное и всеобщее явленіе, которое позднѣйшими неисканными писателями изъ туманнаго міа превращено въ положительный историческій фактъ. При этомъ

случаѣ можно сдѣлать замѣчаніе, что исторія, содержащаяся въ преданіяхъ, весьма часто олицетворяетъ факты и событія, затемненные долговременностію; ибо ей (т. е. исторіи, истинѣ) удобнѣе передать таковыя факты, въ видѣ тѣлесномъ, памяти безграмотнаго народа, для сохраненія ихъ изъ вѣка въ вѣкъ. Потому-то, предпринимая писать жизнь народа въ эпоху доисторическую, должно съ величайшею осторожностію пользоваться преданіемъ, не вѣрять ему на слово, но разсмотрѣть: не олицетворяетъ ли оно какой-либо фактъ, происшествіе, перемѣну, случай; ибо вначалѣ исторія была преисполнена поэзіи и ея ризою одѣвала явленія жизни народовъ. Стрыйковскій, допустивъ, что Вейдевуть былъ Алаинъ, принялъ его, со всѣмъ потомствомъ, какъ протопатріарха литовскаго народа; однакожь, онъ не могъ слить его съ послѣдующею исторіею. Наговорившись о Вейдевуть, онъ бросился на встрѣчу своему любезному Палемону, и какъ этотъ послѣдній не имѣлъ никакой связи съ протопатріархомъ, то далѣе въ хроникѣ о Вейдевуть хранится глубое молчаніе. Какъ же въ головѣ Стрыйковскаго образовалась фигура Палемона? Онъ что-то слыхивалъ о торговыхъ связяхъ Литвы, по поводу янтаря, съ западною Европою; въ русской лѣтописи инока Димитрія нашель имя Палемона, а у римскаго историка Флора имя Публия-Либона; изъ всего этого онъ тотчасъ слѣпилъ фактъ (по его мнѣнію, неопровержимый) прибытія римскаго Патриція Палемона (Публибона) въ Литву. Достопочтенный ксендзь прыгалъ съ радости отъ такого открытія. Но разсмотримъ это подробнѣе.

Въ хроникѣ Стрыйковскаго, о пришествіи Итальянцевъ въ Литву находятся три совершенно различные разказа, хотя въ нихъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ одинъ и тотъ же Палемонъ. Четвертое преданіе о князѣ Виліусѣ, какъ начальникѣ пришельцевъ, Стрыйковскій извлекъ изъ Длугоша, но, чтобъ не мѣшать своимъ предположеніямъ, о Виліусѣ упомянулъ слегка. Прочитавъ въ то же время мнѣніе Длугоша, что эмиграція Виліуса могла случиться во время междоусобныхъ войнъ Помпея и Цезаря, Стрыйковскій полюбопытствовалъ заглянуть въ римскіе источники. На бѣду попадается ему на глаза у Флора имя Публия Либона; въ то же время онъ припоминаетъ, что въ Пруссіи было Ромнове (Romanova), что есть рѣка Либа и городъ Либава. Послѣ всего этого, онъ самъ себя убѣдилъ, что иначе и быть не могло, какъ онъ написалъ. Но, несмотря на то, что русскіе лѣтописцы не могли говорить о столь отдаленной эмиграціи, что самъ Стрыйковскій въ «Курьерѣ Добродѣтели» от-

носить ее къ V-му столѣтію по Р. Х., считая и этотъ срокъ слишкомъ древнимъ, весьма вѣроятно, однакожь, что первую идею Стрыйковскій все-таки извлекъ изъ русскихъ лѣтописей, составленныхъ въ XV-мъ вѣкѣ.

И такъ: *первая повесть*—Публий-Либонъ; отсюда, слитіемъ одинаковаго звука, Публивонъ, а оттуда Палемонъ—путешествуетъ изъ Этруріи въ Литву, за 50 лѣтъ до Р. Х.

Вторая повесть, пайденная въ литовско-русскихъ лѣтописцахъ *. Палемонъ прибываетъ въ Литву, скрываясь отъ гонимой Нерона, въ 57 году по Р. Х. Разница во времени съ первою на цѣльіи вѣкѣ.

Третья повесть, записанная въ брестовицкой лѣтописи, относитъ эпоху прибытія Палемона въ Литву къ V-му столѣтію по Р. Х., ко временамъ нашествія Аттилы. Это преданіе Стрыйковскій опровергаетъ, потому что не въ состояніи примѣнить къ нему своего открытія во Флорѣ о Публіѣ Либонѣ, и сверхъ того, желая, какъ можно далѣе въ глубь вѣковъ отодвинуть вредковъ литовскаго дворянства, что собственно и было цѣлью его литературной дѣятельности. Длугошевскаго Виліуса онъ почти вовсе пропустилъ и дѣльно замѣтилъ, что во времена Аттилы въ Италіи господствовала уже христіанская вѣра, которую принесли бы съ собою въ Литву слутники Палемона.

Кто же не видитъ изъ всѣхъ этихъ повѣстей, что онѣ суть чистыя предположенія, устроенныя для объясненія какого-то неяснаго преданія; ходившаго въ народѣ?

Повѣствованіе объ эмиграціи Итальянцевъ есть произведеніе какого-то русскаго лѣтописца, жившаго въ XV-мъ столѣтіи, и основывавшагося на народномъ преданіи. Въ исходѣ того столѣтія жилъ Длугошь; онъ зналъ это сказаніе, но не совсѣмъ ему вѣрилъ, также какъ и компиляторъ его Мѣховита.

Кояловичъ, передѣлывая Стрыйковскаго, сямлся нѣсколько исправить эту басню и слѣзать ее, по своему, болѣе похожую на правду, совершенно же ее отбросить не смѣлъ, ибо замѣчалъ въ языкѣ и религіи Латовцевъ слѣды латинскаго влі-

---

* Это опять выраженіе по польской системѣ: нужно поставить бѣлорусскихъ. *Прим. перев.*

янія. Онъ не хотѣлъ видѣть причины такого сходства ни въ тѣхъ торговыхъ сношеніяхъ, которые Римляне могли имѣть съ Литовцами, прибывая на ихъ поморье за янтаремъ, ни даже въ возможности существованія здѣсь римскихъ колоній, на подобіе эмпорій береговъ черноморскихъ. Кояловичъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ Жывибундъ былъ третьимъ потомкомъ Палемона и жилъ около 1200 года, слѣдовательно, какимъ образомъ не можетъ быть, чтобъ самъ Палемонъ жилъ за 50 лѣтъ до Р. Х., или 57 лѣтъ по Р. Х., или, наконецъ въ пятомъ столѣтіи при Атилѣ; все, на что можно согласиться, такъ это на допущеніе существованія Палемона около 900 лѣтъ по Р. Х. Какой же результатъ отъ Кояловича? Простое предположеніе, ничѣмъ неподкрѣпленное, ошибка, замѣняющая ошибку, гипотеза за гипотезу, нуль на мѣсто прежняго нуля: Кояловичъ не могъ возвыситься до познанія сущности этого сказанія. Онъ говоритъ, что эта эмиграція могла произойти около 900 года, во время междоусобныхъ войнъ Беренгера и Людвига, раздиравшихъ Италію, когда папа принужденъ былъ искать спасенія въ Равеннѣ, а императрица Θεодора колебала эту страну. Онъ могъ бы присоединить и еще одну причину: нашествіе (въ 904 году) Сарациновъ и Венгровъ. Но все это напрасный трудъ. Кояловичъ задаетъ себѣ вопросъ: для чего Палемонъ бѣжалъ именно въ Литву, а не куда-нибудь въ другое мѣсто? Потому, отвѣчаетъ самъ, что его путеводили Алане, нѣкогда вышедшіе изъ Литвы. Шлѣдеръ, переводчикъ Кояловича, дѣлаетъ по этому случаю весьма важное возраженіе, заключающееся въ томъ, что въ X-мъ столѣтіи христіанская вѣра господствовала въ Италіи, и, слѣдовательно, неправдоподобно, чтобы Палемонъ и его спутники были идолопоклонники; но, принявъ разъ гипотезу Кояловича, критикъ самъ дѣлаетъ натяжку въ пользу его, допуская, что около 900 лѣтъ по Р. Х. могли гдѣ-нибудь въ горахъ, въ неприступнѣйшихъ вертепахъ альпійскихъ, сохраниться еще послѣдователи язычества. Но въѣдъ Алане были наемное войско, такъ зачѣмъ же имъ было гнѣздиться въ ущельяхъ? Да и какъ ихъ оттуда можно было вытѣснить? Словомъ: тщетны всѣ натяжки... Съ большимъ усиленіемъ пытался Кояловичъ удержать въ исторіи глубоко вкоренившуюся въ умахъ своихъ соотечественниковъ басню о Палемонѣ и пришельцахъ изъ Италіи и для этого отодвинулъ эпоху этого пришествія лѣтъ на тысячу позднѣе своего прототипа; но, какъ мы видѣли, критиковалъ не достовѣрность, не факты, а оди только вѣроятія, правдоподобія. Все это ни къ чему не повело, и предположенія Кояловича, безспорно *спроутнѣйшія*

гипотезъ Стрыйковскаго, все-таки, какъ простыя предположенія, не могутъ имѣть мѣста въ настоящей критической исторіи Литвы. Шлёцеръ, сдѣлавъ замѣчаніе, что какъ Владиміру святому, такъ и Палемону, приписывается покореніе Ятвяговъ, полагаетъ, на этомъ основаніи, что этотъ послѣдній могъ быть въ X-мъ вѣкѣ.

Гораздо умнѣе объяснялъ первоначальную басню Нарушевичъ, лучше знакомый съ источниками и обладавший вкусомъ разборчивѣйшимъ. Онъ принимаетъ возвращеніе въ Литву въ V-мъ вѣкѣ Алановъ, которые могли принести съ собою кое-что изъ религій и языка Римлянъ, въ которыхъ они почти превратились. Однакожъ и этотъ обратный походъ Алановъ на родину Нарушевичъ не выдаетъ за фактъ, а включаетъ только какъ неясное народное преданіе. вмѣсто Алановъ лучше было бы допустить возвращеніе Геруловъ, но тутъ Нарушевичъ руководствовался прежними историками.

Нашъ современникъ Федоръ Нарбутъ, послѣ приличнаго колебанія, рѣшаетъ вопросъ въ пользу Геруловъ, и эта гипотеза есть, можетъ быть, вѣроятнѣйшая изъ всѣхъ. Дѣйствительно, трудно рѣшительно отринуть предположеніе, чтобы въ образѣ грубой сказки о Палемонѣ не скрывался какой-то историческій фактъ, который, по несчастію, позднѣйшіе писатели такъ затмили своими усиліями разъяснить дѣло, что нынѣ уже невозможно открыть подлиннаго его значенія.

Было въ Литвѣ преданіе вѣковъ давно-минувшихъ о какихъ-то пришельцахъ съ запада, можетъ быть изъ Италіи; но когда они пришли, за чѣмъ и для чего, — о томъ память народная не гласила. Изъ этого преданія лѣтописцы XV-го столѣтія начали составлять подробныя сказки, чтобъ польстить тшеславію знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, выводя ихъ предковъ отъ римскихъ патриціевъ. Сказочники столь же неловко пользовались для этого римскою исторією, какъ и Мартынъ герба Холѣва, который опирался на Юстина, доказывая, что Александръ Македонскій воевалъ съ Поляками. Кромѣ желанія польстить богатымъ, трудно открыть другую причину этихъ сказокъ; но основательнѣйшихъ побужденій, кажется, и не нужно. Такимъ образомъ какимъ-то отчаяннымъ генеалогомъ составлена была, въ угоду его покровителей, цѣлая басня о Палемонѣ, идея которой почерпнута изъ вышеупомянутаго преданія; можетъ быть, даже и собственныя имена взяты изъ преданія. Басня

эта цѣликомъ пришта къ литовской исторіи. Нынѣ трудно открыть шовъ, которымъ ложъ прикрѣплена къ истинѣ.

Изъ польскихъ дѣписателей, Длугошъ первый узналъ объ этомъ народномъ литовскомъ преданіи и включилъ его въ исторію, но небольше какъ простой отголосокъ людской молвы. Изъ вступленія его въ повѣствованіе о событіяхъ въ Литвѣ, уже само собою усматривается, что онъ не стоитъ за истину включаемаго въ текстъ, но полагаетъ только, что итальянское происхожденіе литовскихъ князей подкрѣпляется частію древнихъ о томъ преданіемъ, частію сходствомъ языка, религиозныхъ обрядовъ и самымъ названіемъ страны. Хотя Длугошъ относитъ время прибытія переселенцевъ изъ Італіи къ междоусобнымъ войнамъ Маріи и Силлы или Помпея и Юлія Цезаря, но у него нѣтъ ни слова ни о Палемонѣ, ни о Публіѣ Либонѣ, котораго послѣ Стрыйковскій отыскалъ во Флорѣ; притомъ и самое опредѣленіе эпохи пришествія итальянскихъ эмигрантовъ есть простая догадка Длугоша, которому хотѣлось пояснить темное народное преданіе. Воздемъ римскихъ изгнанниковъ, бѣжавшихъ въ Литву, Длугошъ назначаетъ какого-то Виліуса, который построилъ городъ Вильну. Ясно, что имя это—выдумка, основанная на названіи столичнаго города. Длугошъ не зналъ, что Вильну построилъ Гедиминъ *, и, не зная также Палемона, составилъ гипотезу, вовсе отличную отъ Стрыйковского. Изъ этого можно вывести важное заключеніе: если бы въ XV столѣтіи преданіе о пришествіи Римлянъ съ Палемономъ было такъ ясно и подробно извѣстно, какъ его впоследствии заблагодарасудилось представить Стрыйковскому, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно было бы извѣстно и Длугошу, который включилъ бы его въ свою исторію, вмѣсто собственныхъ гипотезъ о Виліусѣ. Но по всему видно, что эта басня о Палемонѣ составлена была лишь въ XV столѣтіи какимъ-нибудь услужливымъ лѣтописцемъ-нахлѣбникомъ, единственно съ генеалогическою цѣлію. Стрыйковскій небрежно взялъ ее за чистый фактъ, подбавилъ своихъ догадокъ и включилъ все это въ хроніку **.

---

* Мнѣ кажется, что Гедиминъ въ Вильнѣ только «срубилъ городъ». Вильна существовала до Гедимины, даже если и считать за басню построеніе таиъ капища княземъ Свянторогомъ. *Прим. перевод.*

** А потому о Стрыйковскомъ можно сказать русскую пословицу: дуракъ бросилъ въ воду камень, а десять умныхъ не вытаскать.

Прим. Перев.

Описаніе гербовъ спутниковъ Палемоновыхъ даетъ поводъ заключать, что баснь о пришествіи Итальянцевъ обработана была изъ народнаго преданія уже послѣ городѣльскаго сейма. Дѣйствительно, тогда была жаркая эпоха для генеалогическихъ работъ: въ Литвѣ почувствовали важность гербовъ и древняго благородства крови; литовское дворянство не хотѣло уступить польской шляхтѣ, доказавъ ей исторически свое происхожденіе отъ римскихъ патриціевъ; и когда Поляки слишкомъ гордились передавъ дворянству В. К. Литовскаго свои гербы и шляхетство, тогда было государственною необходимостію создать Палемона и 500 его спутниковъ, какъ баснословный зародышъ еще до-христіанскаго литовскаго шляхетства.

Сага о Палемонѣ привела Стрыйковскаго къ удивительному результату: онъ сталъ утверждать, что дворянство въ Литвѣ представляетъ чужеземцевъ-побѣдителей, а чернь—старыхъ обитателей, покоренныхъ Римлянами, какъ во Франціи есть Галлы и Франки, а въ Англіи Саксонцы и Норманы. Вотъ что онъ пишетъ: «Отъ этихъ-то Итальянцевъ, равно и отъ храбрыхъ Готовъ, кажется, имѣеть свое происхожденіе старинная литовская и жмудская шляхта (я разумѣю настоящую шляхту), «подобно какъ римскіе патриціи происходили отъ Троянъ. Прокстой же народъ и чернь происходятъ отъ Гепидовъ, Судовитовъ и Литалановъ, или храбрыхъ Алановъ; хотя...» Здѣсь онъ поправляетъ самъ себя и говоритъ, что мелкая шляхта произошла также отъ прежнихъ обитателей Литвы. Какое непонятное ослѣпленіе! Онъ, который прочиталъ столько лѣтописей, который изъ нихъ наилучшимъ образомъ могъ узнать положеніе вещей въ языческой Литвѣ, онъ вдругъ находитъ въ Литвѣ шляхту, когда подобнаго сословія, принимая это слово въ значеніи которое оно имѣло въ Польшѣ и на западѣ Европы, никогда никакихъ слѣдовъ не бывало въ Литвѣ. Литовскіе бояре (bajoras) были совершенно другое. Стоитъ только развернуть актъ городѣльскаго сейма, чтобъ убѣдить себя, была ли въ Литвѣ въ старину шляхта. Если бы существовала въ Литвѣ прежде XV столѣтія какая-нибудь шляхта, то не было бы никакой нужды этимъ актомъ учредить ее какъ вовсе новое сословіе.

Доказательствомъ того, что Стрыйковскій въ лѣтописяхъ ничего обстоятельнаго о Палемонѣ не нашелъ, по крайней мѣрѣ о пришествіи этого лица въ Литву за нѣсколько десятковъ лѣтъ до Р. Х., и со всеми тѣми подробностями, которыя имѣются въ

хроникѣ,—служить еще то, что самъ Стрыйковскій, въ сочиненіи «Курьеръ Добродѣтели», изданномъ осмью годами ранѣе Хроники, рассказывая о Палемонѣ, прибавляетъ на полѣ: «по русскимъ лѣтописцамъ въ 428 году по Р. Х., но *должно быть позже*». Объ Юліѣ Цезарѣ тамъ нѣтъ ни слова; видно, что еще Стрыйковскій былъ робче и толковѣе; еще тогда не обудла имъ страсть, которая потомъ овладѣла имъ, вскружила его бѣдную голову и принудила его, для подтвержденія любимой идеи, преисполнить свою хронику анахронизмами, парахронизмами, и наконецъ увлекла его до такой степени, что онъ не совѣстился выдумывать фальшивыя числа и включать ихъ, какъ факты, въ пресловутую свою хронику. Въ «Курьерѣ» уже Стрыйковскій упоминаетъ о четырехъ знатнѣйшихъ дворянскихъ домахъ Литвы, какъ происходящихъ отъ Итальяцевъ; но какъ-то еще робко, заслоняясь именемъ инока Димитрія. Въ предисловіи къ «Курьеру», Стрыйковскій пишетъ, что о прибытіи Итальянцевъ въ Литву онъ почерпнулъ изъ Мѣховиты (т. е. изъ Длугоша) и изъ инока Димитрія; но объясненіе этого обстоятельства онъ считаетъ своею главнѣйшею заслугою, важнѣйшею честію помянутаго стихотворнаго произведенія. Тутъ нѣтъ еще ни слова ни о Гваньини, ни о покражѣ, а о дальнѣйшемъ намѣреніи писать исторію едва имѣется нѣсколько неясныхъ намековъ.

Такое было, по нашему мнѣнію, происхожденію этой басни въ XV вѣкѣ изъ народнаго преданія, обработаннаго русско-литовскимъ лѣтописцемъ инокомъ Димитріемъ или кѣмъ-либо другимъ изъ современниковъ; а Стрыйковскій взялъ ее за святую истину, перенесъ изъ V столѣтія по Р. Х. къ эпохѣ Юлія Цезаря и, подхвативъ имя Публія Либона, самымъ непостижимымъ образомъ слилъ его воедино съ Палемономъ. Слѣдуетъ вспомнить, что всѣ знатнѣйшія литовскія фамиліи производятся отъ пятисотъ римскихъ патриціевъ, спутниковъ Палемона, и эта когорта служитъ неисчерпаемымъ бассейномъ, откуда берутся матеріалы для цѣлыхъ тысячъ генеалогическихъ выводовъ. Вспомнимъ, что родословіе Гедройцовъ въ «Курьерѣ» совершенно другое, нежели въ Хроникѣ, и слѣдовательно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, произвольно и невѣрно. Словомъ: все убѣждаетъ, что начальное преданіе было весьма неопредѣленно и толковалось каждымъ по собственнымъ соображеніямъ.

Гваньини, касательно пришествія итальянскихъ эмигрантовъ

въ Литву, хотя пишетъ слово въ слово тоже, что Стрыйковский помѣстилъ въ «Курьерѣ», но не рѣшается выдавать этого за несомнѣнную истину. У него нѣтъ ни слова, ни о Палемонѣ, ни объ Юліѣ Цезарѣ, но уже говорится о римскихъ патриціяхъ, какъ родоначальникахъ литовскаго дворянства. Далѣе онъ пишетъ, что эти итальянскіе пришельцы, съ теченіемъ времени, забыли свой языкъ и приняли языкъ и обычаи Литвы.

Еще и Папроцкій не имѣлъ никакого понятія о Палемонѣ, а свои генеалогіи начиналъ Литаономъ и Миндольфомъ. Онъ ничего не пишетъ о пришествіи Итальянцевъ и вообще объ этой итальянщинѣ, и хотя упоминаетъ о гербахъ Слупъ (послѣ Колонна) и Гиппоцентавръ, но прибавляетъ, что эти гербы принадлежатъ многимъ фамиліямъ; «яже — говоритъ онъ — никакъ не могъ узнать, какъ эти гербы получены и какому дому собственно принадлежатъ». Тогда еще труды достопочтеннаго Стрыйковского не спутали исторію для удобствъ геральдики.

Доказательствомъ того, что еще въ XV вѣкѣ баснь о Палемонѣ не была общею, служить также выписка изъ такъ называемаго рауданскаго кодекса, приведенная Нарбутомъ, гдѣ помѣщена весьма странная генеалогическая таблица династіи Ягеллонидовъ. Тамъ дѣло обходится безъ римскаго патриція, и родоначальникомъ великихъ князей литовскихъ сдѣлана богиня Еглона....

Итакъ, лесь составила въ XV вѣкѣ баснь о Палемонѣ; черезъ сто лѣтъ, по тому же побужденію, Стрыйковский подновилъ басню. Хотя онъ изъ всѣхъ силъ увѣряетъ, что ни для кого изъ денегъ не писалъ; однакожь, можно считать доказаннымъ, что желаніе прислужиться аристократамъ В. К. Литовскаго играло немаловажную роль въ составленіи всего подробнаго баснописанія о Палемонѣ. Весьма жаль, что у насъ подъ рукою не было другаго сочиненія неутомимаго Стрыйковского, издавнаго въ 1577 году, подъ заглавіемъ: «Зерцало Литовской Хроники». Это историческо-генеалогическія таблицы, въ которыхъ Стрыйковский весьма далеко простеръ свою услужливость къ литовскимъ вельможамъ; потомъ, въ хроникѣ, онъ многое выкинулъ. Стрыйковский весьма сердится на тѣхъ, кто бы не сталъ вполне вѣрить его сказанію о Палемонѣ. Частое обращеніе его къ этому предмету одно уже показываетъ, что онъ чувствовалъ свою слабую сторону. Для подкрѣпленія себя, онъ старается задѣть самолюбіе дворянства, представляя, что всегда лучше имѣть

предковъ познаменитѣе. Наконецъ, гнѣвъ его на скептиковъ выразился въ слѣдующихъ стихахъ:

Ройся, свинья, въ навозѣ и грязи:

Не тебѣ, но умнымъ людямъ судить о золотѣ.*

И эта неумѣренная выходка также что-то изобличаетъ. Рѣшительно, Стрыйковскому важнѣе всего было вывести Гастольдовъ отъ Пиемонтцевъ Кастальди, дать древнихъ предковъ Монвидамъ и Довойнамъ; для чего ему очень кстати были городные спутники Палемона. Да и самой ягеллонской фамиліи, которой боковыя отрасли въ то время еще процвѣтали, наиримѣръ князя Слуцкіе или Омелькевичи, — и имъ также были по сердцу предки изъ Рима.

Повторимъ вкратцѣ, что было говорено выше о Палемонѣ:

1. Въ Литвѣ было народное давноминувшихъ вѣковъ преданіе о какихъ-то пришельцахъ съ Запада, можетъ быть, и о колоніяхъ по берегу Балтійскаго моря, въ родѣ греческихъ эмпорій. Въ преданіи не сохранилось ни время, ни причина этой эмиграціи. По всей вѣроятности, источникомъ этого преданія было возвращеніе Геруловъ на Нѣманъ или какое-либо торговое предпріятіе на берегъ, изобилующій янтаремъ. Кажется также, что въ народномъ преданіи упоминалось имя Палемона.

2. Въ XV вѣкѣ преданіе это начали различнымъ образомъ обдѣлывать и включать въ лѣтописи Великаго Княжества. Длугошъ создалъ своего Виліуса. Въ русско-литовскихъ лѣтописяхъ **, цитируемыхъ Стрыйковскимъ, которыя, по всей вѣрот-

* Ни къ кому эти двѣ строки не могутъ относиться болѣе кстати, какъ къ самому Стрыйковскому. Онъ сочинилъ эпиграмму (въ іезуитскомъ вкусѣ) на самого себя: ее можно считать и эпитафіей Стрыйковского.

Прим. перев.

** Слѣдуетъ сказать: западно-русскихъ, или бѣлорусскихъ, потому что лѣтописцевъ собственной Литвы не было да и не могло быть.

Прим. перев.

яности, были составлены отнюдь не ранѣ XV или даже и XVI столѣтій, — имѣются два разсказа о пришествіи Палемона. Инокъ Димитрій, пользуясь тѣмъ, что въ народномъ преданіи ничего не сохранилось о времени эмиграціи помянутаго Итальянца, относитъ это событіе къ 57 году по Р. Х. и причиною его полагаетъ гоненія Нерона. Брестовицкій же лѣтописецъ, по тому же праву, говорятъ, что прибытіе Палемона въ Литву случилось въ V столѣтіи по Р. Х., вслѣдствіе опустошеній, произведенныхъ въ Италіи Атилою. Что имъ въ XV столѣтіи народное преданіе было облечено въ положительныя формы, явствуетъ изъ того, вопервыхъ, что въ ту эпоху господствовала потребность въ древнемъ происхожденіи литовскаго дворянства, и ввторыхъ, изъ того, что Длугошъ, писавшій въ томъ вѣкѣ, и рауданскій кодексъ, не имѣютъ никакого свѣдѣнія о Палемонѣ. По моему мнѣнію, это генеалогическое добавленіе могло быть составлено изъ неяснаго давнишняго преданія, около 1451 года, когда между Польшею и В. К. Литовскимъ едва не дошло до совершеннаго разрыва, и дворяне послѣдняго хотѣли отказаться отъ братства, отбросивъ полученные отъ Поляковъ на городѣльскомъ сеймѣ шляхетскіе гербы. Тогда возникло желаніе доказать, что дворянство В. К. Литовскаго также весьма древне и имѣло свои собственные гербы; а слѣдовательно весьма правдоподобно, что какойнибудь иннокъ, занимавшій должность домашняго секретаря у коголибо изъ знатнѣйшихъ аристократовъ въ Княжествѣ, могъ заставить свое услужливое перо написать всю подробную басню о Палемонѣ, въ видѣ введенія въ лѣтопись.

3. Стрыйковскій взялъ изъ русскіхъ лѣтописцевъ имя Палемона, отъ Длугоша заимствовалъ идею объ эмиграціи во время Юлія Цезаря, изъ Флора извлекъ Либона — и на основаніи таковыхъ данныхъ составилъ свое повѣствованіе, подъ 50 годомъ до Р. Х.

4. Въ первоначальныхъ литовскихъ * лѣтонисяхъ упоминалось, въ XI столѣтіи по Р. Х., о трехъ братьяхъ-князьяхъ, коихъ имена были: Боркусъ, Кунасъ и Спера — разительное

---

* Опять неправильно употребленное слово. Литовцы въ XV столѣтіи были дикари, безъ слѣда письменности. Какъ же они могли вести лѣтопись въ XI столѣтіи? Событія о Литвѣ, кромѣ Нѣмцевъ и Русскихъ, нигдѣ не могли быть записаны. Это основное правило.

сходство съ тремя князьями варяго-русскими. Поманутыхъ трехъ князей: Боркуса, Кунаса и Сперу, Стрыйковскій, для увѣнчанія всѣхъ своихъ глупостей, объявилъ сыновьями Палемона, жившаго по его же хронологіи за тысячу слишкомъ лѣтъ до XI столѣтія, и показалъ свои познанія въ языкахъ, производя Боркуса отъ Porcius, Кунаса отъ Canop, а Сперу отъ Spero, и т. д.

=